

7.Фролов, Э.Д. Греция в эпоху классики (Общество. Личность. Власть) [Текст] / Э.Д. Фролов. – СПб.: Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2001. – 602 с. 8.Эмпирик, Секст, Сочинения в двух томах [Текст] // Секст Эмпирик ; пер. с древнегреч. – Т.2. – М., «Мысль», 1976. – 421с.

Поступила в редколлегию 1.02.2009.
Рецензент: докт. филос. наук, проф. К.М. Узбек

УДК 141.7 + 821.161.1-1

И.Б. УСТЮЖИН, ст. преп. ХНУ им. В.Н. Каразина

ИСТОРИОСОФИЯ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА: «ВНУТРЕННИЕ ГОЛОСА» В «ANNO MUNDI ARDENTIS» [*1]

У статті вперше на пострадянському просторі аналізується програмний цикл «Внутренние голоса» Кримського поета та мислителя Максиміліана Волошина (1877–1932). Доведено, що в циклі є теософські та антропософські тенденції, які на початку 1910-х років визначали характер життєтворчості поета, а сам цикл уявляє собою есхатологічне осмислення поетом-візіонером подій Першої світової війни та тенденцій новітньої історії.

Ключові слова: есхатологія, історіософія, теургія, цикл, візіонерська поезія.

В статье впервые на постсоветском пространстве анализируется программный цикл Крымского поэта и мыслителя Максимилиана Волошина (1877–1932) – «Внутренние голоса». Доказано, что в цикле присутствуют теософские и антропософские тенденции, определявшие в начале 1910-х годов характер житетворчества поэта, а сам цикл представляет собой эсхатологическое осмысление поэтом-визионером событий Первой мировой войны и тенденций новейшей истории.

Ключевые слова: эсхатология, историософия, теургия, цикл, визионерская поэзия.

The article elaborates on *Inner Voices*, the first cycle of Maximilian Volochine's (1877–1932) book of metaphysical poetry *Anno Mundi Ardentis. 1915*. It is argued that in harmony with contemporary Theosophy and Anthroposophy the visionary poet sees the beginning of Word War I as an eschatological event and predicts the end of the «fourth» civilization.

Keywords: eschatology, philosophy of history, *theurgia*, cycle, visionary poetry.

Освоение литературного, философского и художественного наследия одного из титанов «русского ренессанса» (Н. Бердяев) М.А. Волошина является одной из наиболее **актуальных** проблем философии культуры. За истекшее семилетье, словно наперегонки, симферопольские, московские и петербургские издательства опубликовали несколько ценнейших первоисточников [15 ; 16 ; 18 ; 21], которые требуют пристального внимания и комплексного осмысления. Данная статья представляет собой **первую** (из известных автору, стоящему, конечно же, «на плечах гигантов» [8 ; 9 ; 22 ; 24]) попытку анализа поэтического цикла «Внутренние голоса» (1914-1915) в свете мистико-философских воззрений поэта.

В статье поставлена **цель**: 1. установить принцип объединения семи, казалось бы, разнородных стихотворений в одну группу и раскрыть смысл цикла (ни разу после 1916 года не публиковавшегося в авторской редакции) как художественного единства; 2. показать значимость «Внутренних голосов» в духовной эволюции поэта; 3. определить место и роль историософии и (в какой-то мере) теургии Волошина среди философских программ его современников-модернистов.

Анализируемый цикл, написанный в первый год Первой мировой войны, открывал книгу «Anno Mundi Ardentis. 1915» («год пылающего мира. 1915», лат., далее – АМА) [10] и состоял из следующих произведений (в скобках – авторские дата и место написания): **Эпиграф**. Плывущий за руном... (3.2.1915); 1. Под знаком Льва (август 1914, Дорнах); 2. Над полями Альзаса (сентябрь 1914, Дорнах); 3. В эти дни (5.2.1915, Париж); 4. Посев (3.2.1915, Париж); 5. Газеты (12.5.1915, Париж); 6. Другу (23.8.1915, Биарриц); 7. России (17.8.1915, Биарриц) [10, с. 69].

Как видим, «Внутренние голоса» в цикле расположены почти в идеальной хронологической последовательности и представляют собой, фактически, лирический дневник (в дневник обычно записывают самое важное, а самым главным и «пленительным» для Волошина были голоса [13, с. 543], тем более – внутренние). Действительно, «первая семерка относится к человеку» [*2], поэтому стихотворения первого цикла относительно легко «прочитать» хорошо знакомому с биографией Волошина читателю [*3].

Часть I: ПОД ЗНАКОМ ЛЬВА: НАД ПОЛЯМИ АЛЬЗАСА В ЭТИ ДНИ – ПОСЕВ (август 1914 – февраль 1915)

Война? Какое непонятное явление в роде человеческом. Когда рассудок задает себе вопрос: справедливо ли, необходимо ли оно? *внутренний голос* всегда отвечает: «Нет».
Лев Толстой [*4].

[1] Строить деревянный «храм-театр для оккультных мистерий» Johannesbau в Дорнах («типичная швейцарская деревня» в горах «на полуострове между Францией и Германией») Волошин приехал 31 июля 1914 года, в астрологический месяц Льва. Пригласила поэта М. Сабашникова, у которой Волошин и остановился. В этом контексте становится ясно, почему первое стихотворение цикла Волошин назвал **«Под знаком Льва»** и посвятил бывшей жене. Из Мюнхена (где, как оказалось, он навсегда попрощался с

Альтдорфером) в нейтральную Швейцарию Волошин добрался лишь за день до объявления Германией войны России, «каким-то чудом, <...> с последним поездом» [14, с. 127]. «Всю дорогу вслед за мной прекращались сообщения, точно двери за спиной запирались», – записал в блокнот поэт [18, 1, с. 513]. «Странник по вещим перепутьям», привыкший видеть «во всех явлениях Знаки, \ по которым ты вспоминаешь *самого себя*» («Подмастерье»), придал этому факту провиденциальное значение. «Какая странная судьба, которая меня привела к Штейнеру в 1905 году и теперь вновь приводит в 1915, именно на это время уводя из России», – написал А. Петровой по приезду в Дорнах Волошин [14, с. 127]. А в стихах опять возник образ ангела-хранителя: И *кто-то* для моих шагов / Провел невидимые тропы / По стогнам буйных городов / Объятой пламенем Европы.

По исторической значимости мировую войну Волошин может сравнить лишь со Всемирным Потопом (Быт. 7-8). Тогда глобальную катастрофу пережила лишь одна семья Ноя, под насмешки окружающих десятилетиями строившая гигантский Корабль, и пришедшие к Ковчегу со всех концов земли «чистые» и «нечистые» животные. Именно им – собранным в Ноевом ковчеге – было предначертано дать начало новой, четвертой (как считают теософы) цивилизации [13, с. 172]. Теперь, казалось, та же миссия лежит на богоизбранной «семье» антропософов – горстке немцев, русских, французов, австрийцев и голландцев, собранных Р. Штайнером, чтобы построить корабль-Храм (ср. латинское «navis» и его производные – английское «nave» и французское «navette»). Интересно, что изначально «Доктор» планировал завершить Johannesbau именно к 1 августа 1914 года. Как бы для того, чтобы еще до начала ожидаемой с 1905 года «великой брани» [*5], словами «аргонавта» Белого, «На горных вершинах / Наш Арго, / Наш Арго, / Готовясь лететь, золотыми крылами – / Забил» (1903) [3, с. 65].

Первые слова Волошина по приезду в Дорнах сохранил в «Материале к биографии» (1923) тот же Андрей Белый: «Какою-то бурей появился в Дорнахе Макс Волошин, заявивший, что он едва успел проскочить в Швейцарию через Австрию и теперь является последним нечистым животным, которое в дни европейского потопа должно быть принято на ковчег «Вау» [цит. по: 20, с. 83]. В стихах у Волошина это вылилось так: Уже в петлях скрипела дверь / И в стены бил прибор с разбега, / И я, как запоздалый зверь, / Вошел последним внутрь ковчега.

[2] Второе стихотворение цикла – «*Над полями Альзаса*» – Волошин написал, когда в долине Рейна тогда еще немецкой провинции Эльзас, видимой с купола «Иоаннова здания», шли ожесточенные бои.

Рецензируя АМА, В. Брюсов, в частности, отметил: «В великой борьбе наших дней М. Волошин видит осуществление апокалиптических откровений, себя же представляет про-видцем, который «в начальный год Великой Брани» был «восхищен от земли» <...> и слышал прорицание

«шестикрылатых Вестников» [6, с. 476]. И здесь с Брюсовым трудно не согласиться. Действительно, для Волошина *причина* грандиозной битвы в долине Рейна была отнюдь не в том, что государства-«левиафаны» и «спруты» не поделили сферы влияния, а в том, что *над* полями Эльзаса (Alsace) «Ангел непогоды / Пролил огонь и гром, / Напоив народы / Яростным вином» (ср. Откр. 14: 9-10 и Иер. 25:15). Грохот орудий на земле («Война идет рядом, и канонада в Эльзасе будит по ночам», – признался поэт в письме А. Петровой [14, с. 127]) не может заглушить для чуткого уха поэта-пророка топот копыт Алого Всадника, за которым неизбежно последует и Черный (Откр. 6): Средь земных безлюдей / *Тишина гудит* / Грохотом орудий, / Топотом копыт. Закончил стихотворение Волошин, похоже, заповедью «внутренних голосов»: Преклоняя ухо / *Вглубь души*, внемли, / Как вскипает глухо / Желчь и кровь земли [10, с. 14]. Интересно, что в целом равнодушно принявший АМА А. Блок использовал тот же образ (или прислушался к совету Волошина?) в своем «Возмездии»: И черная, земная кровь / Сулит нам, раздувая вены, / Все разрушая рубежи, / Неслыханные перемены, / Невиданные мятежи.

[3-4] Казалось бы, и хронологически, и следуя логике повествования, следующим стихотворением цикла должен был быть «*Посев*». В этом стихотворении, написанном раньше, чем «В эти дни», снова – как в «Ангеле мщенья», «Плывущем за руном» и «Над законченной книгой» – возникает образ Недоброго Сеятеля. Реминисценции легенд о Ясоне и Кадме, посеявших в Землю драконьи зубы, а также евангельской притчи о «враге» – Дьяволе, посеявшем плевелы (Мф. 13:25), объясняют, почему «вскипает глухо / Желчь и кровь земли». Волошин считает, что «Землю-мать / Жестокий сын прогневал» тем, что «в годину Лжи и Гнева» щедро бросил в неё «не семена пшеничного посева», «но сталь и медь, живую плоть и кровь» (о том, как Землю стошнит – и только трупами ли? – Волошин напишет позже).

Как ни естественно выглядит здесь «Посев», «знаковое» третье место в цикле Волошин предоставил стихотворению «*В эти дни*», которое особо ценил «за точность и искренность» [12, с. 446]. Интересно, что то же он сделал и ранее, в журнальной «репетиции» книги – подборке опять-таки из семи стихотворений под заглавием «Anno Mundi Ardentis» [21, с. 370] [*6]. Еще в сентябре 1906 года поэт отождествил себя с «Матерью-Землей» и подготовился «долго ждать», пока в него «сойдет», и в нем «распнется Слово» [19, с. 72], сравниваемое здесь, вслед за четвертым евангелистом, с зерном (Ин. 12:24). Теперь, 9 лет спустя, поэт-духовидец не «просто» снова чувствует себя «пленным в пространствах безвозвратных / Оголтелой, стынувшей земли», но и несет *в себе* – в какой-то степени, как Христос на кресте – боль всего человечества: В эти дни не спазмой трудных родов /

Схвачен дух: *внутри* разодран он / Яростью сгрудившихся народов, / Ужасом разъявшихся времён.

Так как «в каждой капле бытия – всюду я», «все во мне, и я во всех», для Волошина «в эти дни нет ни врага, ни брата». Не в силах до конца постичь эзотерический смысл «великой брани», поэт может только «ковать постами меч молитв» [*7] – молиться за обе враждующие части своего тела – человечества, которое парадоксально «горит само к себе враждой» и разрывает себя же на части: «В эти дни безвольно мысль томится, / А молитва стелется, как дым. / В эти дни душа больна одним / *Искушением* – развоплотиться», то есть больше не «нести этот ад в себе» (Силуан Афонский, 1905) [*8]. В статье «Судьба Верхарна» (1916) Волошин сформулировал свою «теургическую» позицию так: «Когда на земле происходит битва, разделяющая все человечество на два непримиримых стана, надо, чтобы кто-то *стоял в своей келье на коленях и молился за всех враждующих: и за врагов, и за братьев*. В эпоху всеобщего ожесточения и слепоты надо, чтобы оставались люди, которые могут противиться чувству мести и ненависти и *заклинать обезумевшую реальность – благословением*» [*9]. В этом высший религиозный долг, в этом «Дхарма» поэта» [17, с. 148]

Часть II: ГАЗЕТЫ – ДРУГУ РОССИИ (май – август 1915)

Поэт крадет направо и
налево, и при этом не
испытывает
ни малейшего чувства
вины.

Иосиф Бродский.

[5] О том же – пятое стихотворение цикла – «*Газеты*». Профессию журналиста парижский корреспондент нескольких московских и петербургских газет Макс Волошин называл «вреднейшей на земле», а газетную информацию как минимум с 1905 года считал ядом, ведь она обычно вся проникнута «неуважением – к личности, к творчеству, к правде». В лучшем случае, журналистика – это иллюзорные искания и «литература наспех» (М. Твен), но, тем не менее, утро у поэта почти всегда начиналось с газеты. «Я с утра отравляюсь газетными *телеграммами*, – признавался Волошин М. Сабашниковой в период первой русской революции. – Это страшно вредно. Мысль заражена на целый день» (письмо от 28. 10. 1905, [цит. по: 12, с. 446]). Не изменил своей привычке Волошин и во время войны. Изголодавшись по «газетному наркотику» в Дорнахе, по возвращению в любимый Париж в январе 1915 года поэт снова получил доступ к многочисленным французским и иностранным газетам: «Я пробегаю жадным взглядом / Вестей горячих письмена, / Чтоб душу, влажную от сна, / С утра ожечь ползучим ядом».

Как и следовало ожидать, газеты каждой из воюющих сторон писали полуправду (которая – самая страшная ложь), стараясь максимально обелить «своих» и демонизировать противника, с единственной целью – разжечь в читателе еще большую ненависть к врагу. И в этом поэт снова увидел руку «Недоброго Сеятеля». «В строках *кровавого* листа» Волошин находит «смертельные трихины» – упоминаемые в бреде Раскольниковым микроскопические существа, одаренные умом и волей, которые превращают зараженных ими людей в «бесноватых». Этот же образ Волошин использовал и ранее – в статье «Пророки и мстители» и стихотворении «Ангел Мщенья», но теперь поэту уже не до романтической лексики. В 1906-м он еще мог позволить себе если не «подлый жаргон рифмачей» («Доблесть Поэта», 1923), то очень эффектные образы: «Убийству я придам манящую красоту», «Как призраки, взращу багряные цветы» и т. д. Девять лет спустя поэт максимально конкретен, «сух и ясен»: Бродила мщенья, дрожжи гнева, / Вникают в мысль, гниют в сердцах, / Туманят дух, цветут в бойцах / Огнями *дьявольского сева*.

Всего этого Волошину хочется «не знать, не слышать и не видеть», он готов «застыть, как соль», «уйти в снега». Христос завещал любить врагов, но если и враг, и брат ведут себя одинаково подло, знающему «дхарму» поэта христианину остается лишь взывать к Богу: «Дозволь не разлюбить врага. / И брата не возненавидеть!» [10, с. 18]. Елену Оттобальдовну это стихотворение возмутило: «Как можно так думать и чувствовать!» – на что сын в письме отвечал: «Вероятно, ты сама совсем веришь той «полуправде», что создается газетами, той официальной, тактической правде, которая нужна для поддержания духа» [цит. по: 12, с. 446].

[6] Волошину же «для поддержания *Духа*» нужна была, в первую очередь, Библия. «Уйти в снега» из Парижа ему в 1915 году не удалось, зато получилось уехать на дачу *Амари* в Биарриц, где он несколько месяцев жил почти отшельником – «так же одиноко, как в Коктебеле зимой», читая лишь Священное Писание и газеты [14, с. 145]. В Биаррице же поэт узнал из письма А. Петровой от 30 июня о том, что в армию призван лучший друг – феодосийский «мирискусник» К. Ф. Богаевский, проиллюстрировавший его первую книгу, «Стихотворения 1900-1910» [19]. Перед отъездом на передовую замечательный художник поехал проститься с друзьями в Коктебель и по дороге вспомнил стихи Пушкина «Арион» – свои любимые, «стал говорить их и прибавил: «Останется один Макс» [14, с. 143].

«И я бы мог...», – надписал над нарисованным в рабочей тетради эшафотом лишь по счастливой случайности не оказавшийся 14 декабря на Сенатской площади «таинственный певец» Пушкин [27, с. 89]. «И я бы мог, если бы не «ясновидящая сила», – мог подумать потрясенный полученным известием из «Ардавды» Волошин, а Петровой в тот же день ответил: «Я действительно «таинственный певец, на берег выброшен волною» [14, с. 140]

и вскоре написал стихотворение «Другу» – как и «Арион», четырехстопным ямбом, используя излюбленные пушкинские мотивы, слова и рифмы:

<p>А. Пушкин. «Арион», июль 1827</p> <p>Нас было много на челне; Иные <u>парус</u> <u>напрягали</u>, Другие дружно упирали В глубь мощны весла. <u>В тишине</u> На руль склонясь, наш кормщик умный В молчанье правил грузный челн; А я – <u>беспечной</u> веры полн, – Пловцом я пел... Вдруг лоно <u>волн</u> Измял с налёту вихорь шумный... Погиб и кормщик, и <u>пловец!</u> – Лишь я, таинственный певец, <u>На берег выброшен</u> грозою, Я гимны <u>прежние</u> пою И ризу влажную мою Сушу на солнце под скалою.</p>	<p>М. Волошин. «Другу», август 1915</p> <p>...веряясь бытию, Снастили мы одну <u>ладью</u>: И, зорко испытую дали И бег волнистых облаков, Крылатый <u>парус</u> <u>напрягали</u> У Киммерийских берегов. Но ясновидящая сила Хранила мой <u>беспечный</u> век: Во сне меня <u>волною</u> смыло И <u>тихо вынесло на брег</u>. А ты, <u>пловец</u> с душой бессонной От сновидений и <u>молитв</u> Ушел в круговороты <u>битв</u> [*10] Из мастерской уединенной.</p>
--	--

Волошин был уверен, что шансов выжить на этой войне у Богаевского нет, ведь «демоны машин пожирают прежде всего самых чистых, искренних, правдивых, кто (они знают) не примет их царства» и видел в этом неправоту нестерпимую [14, с. 140-141]. «Пловец» в пушкинском стихотворении погиб, «пловцом» же называет в шестом стихотворении цикла Волошин Константина Федоровича. И, чтоб «не прервались нити пряж», ткущих судьбу его далекого друга, адресованный далеким друзьям Пушкина 15-строчный «Арион» киммерийский поэт-окультист «отзеркалил» в 51-строчник. Как оказалось, за Богаевского Волошин был готов не только «молить», но и «волить» (вероятно, не случайно в золотое сечение стихотворения поэт поместил строки «я буду волить и молить» и «ясновидящая сила / хранила» [*11]).

Спустя три года, «блуждая по *перекресткам*» «красной» Феодосии и *видя* «души вырванных / насильственно из жизни <...> в ветре» (*La Semaine Sanglante* [*12]), а «волчи морды, машкеры и рожи <...> *осатанелых* тварей» («Северо-восток») – на земле, Волошин «...гас / В безумье и в блеске жёстком / Враждебных глаз; / Их горечь, их злость, их муку, / Их гнев, их страсть, / И каждый курок, и руку *хотел* [только – И.У.] заклясть» («Молитва о городе») [*13]. В июле же 1915-го он, похоже, не сдержался: когда дело касается жизни не своей, но друга, приходится рисковать, – в том числе и личным спасением (ср. Лев. 20:6). Вторая часть стихотворения представляет собой удивительное сочетание древнееврейского благословения Ааронова (Чис. 6:24-26) и древнерусских заговоров, составленное не только с учетом «созвездий правящих и волящих планет» («Подмастерье») и

западноевропейской демонологии, но так же и *дьявольского* прогресса в области военной техники.

Ковать ножи и мечи научил людей предводитель падших ангелов, «и явилось великое нечестие и много непотребства» (Енох 6), навлекшие на человечество Потоп. С тех пор явилось не менее «великое нечестие» и куда больше непотребства. В двадцатом веке друга пришлось заговаривать уже не только от холодного оружия, но и от мин, снарядов, отравляющих газов и радиации. Интертекст русского чернокнижия в *АМА* особенно ясно виден при сопоставлении стихотворения «Другу» с фрагментом тридцать третьего «Заговора ратного человека, идущего на войну» из книги «Сказания русского народа» этнографа И. Сахарова (1885):

<p>33. Заговор ратного человека, идущего на войну (не позже 1885)</p>	<p>М. Волошин. «Другу» (август 1915)</p>
<p>...<u>будь сбережен</u>: <u>от</u> топора, от бердыша, от <u>пищали</u>, <u>от</u> татарския пики, от красного булата, <u>от</u> борца, от единоборца, <u>от</u> бойца врага-супостата, <u>от</u> <...> поганой силы, <u>от</u> казанской рати, <u>от</u> литовских богатырей, <u>от</u> черных божиих людей. [23, с. 103]</p>	<p>Я буду волить и молить, Чтобы тебя в кипеньи битвы Могли, как облаком, прикрыть Неотвратимые молитвы. <u>Да оградит тебя Господь</u> <u>От</u> Князя огненной <u>печали</u>.[*14] Тоской пытающего плоть, Да защитит от едкой стали, <u>От</u> жадной меди, от свинца, <u>От</u> стерегущего огнива, <u>От</u> злобы яростного взрыва, <u>От</u> стрел крылатого гонца, <u>От</u> ядовитого дыханья, <u>От</u> пронизающих огней <...></p>

[7] Оказавшись на даче Амари в привычной для себя обстановке – «на самом берегу океана, в большом уединении и молчании», – Волошин нашел библейский «образ <...> – символ того, что надо делать теперь» [14, с. 148]. Согласно Исх. 17, победу Иисусу Навину над воплощением зла – Амаликом – обеспечили молитвы Моисея, усиленные поднятым «жезлом Божиим» (17:9). Так и Волошин – регулярно молился не только за ушедших на фронт друзей, но и за свою страну. «Очень тяжело. Думаю. Молюсь. Пеплом на всех мыслях лежит судьба России. <...> Только в ней все ответы, все разгадки и спасение, но ... не от мира сего», – написал Волошин Петровой 16. 08. 1915 г. В тот же день родилось стихотворение «*Россию*», мысленно посвященное автором Богаевскому [14, с. 142]. Написанное «во время Галицийского отступления» [11, с. 103], оно должно было заключить анализируемый цикл. Тем не менее, в конце 1915 или в начале 1916 года Волошин решил это стихотворение не публиковать. В *АМА* оно лишь обозначено отточиями, а в сноске поэт сообщает читателю: «Седьмое стихотворение этого цикла,

обращенное к России, не должно быть напечатано теперь по *внутреннему* убеждению автора» [10, с. 22].

Не только газеты, но и поэзия Российской империи того периода (за редким исключением) были пропитаны антигерманским, шовинистическим духом. Даже «умный колдун» Сологуб [13, с. 449] спел гимн «державному Русскому мечу» [*15], а добровольцем ушедший на фронт Н. Гумилев (не говоря уже о бравурном И. Северяnine или молодых Ахматовой и Г. Иванове – «если таковы сливки, каково же молоко?») потрясал «Колчаном» (1915). В стихотворении «Война» «колдовской ребенок» рассказывает оставшимся «на гражданке», как «воистину светло и свято / дело величавое войны», тоже сравнивает солдат с землепашцами и просит Господа благословить их, «подвиг сеющих и славу жнущих». В «Наступлении» Гумилеву, оказывается, «сладко рядить Победу / Словно девушку, в жемчуга, / Проходя по дымному следу / Отступающего врага». Но для Волошина военные успехи России и ее союзников – «безрадостны» («Посев»), ведь:

1. «России сейчас не победы нужны», «лучше быть убитым, чем убивать, лучше быть побежденным, чем победителем, т. к. победа на физическом плане – это поражение на духовном» [16, с. 35] – куда более для Волошина важно;

2. воюющие стороны, пытаясь «войной убить войну», т. е. победить Зло его же оружием, забывают о том, что принимающий оружие противника уподобляется ему (ср. Мф. 26:51-53; Лк. 22:49-51) [*16].

Поэтому «Враждующих *скорбный гений* [не он ли упоминаемый выше Князь огненной печали? – И.У.] *Братским* вяжет узлом». Поэт *видит*, как «Зло в тесноте сражений / Побеждается *горшим* злом», в результате чего не только еще сильнее завязываются «кармические узлы» России, но и встает вопрос о физическом выживании человека как биологического вида, или, точнее, «устранении его с поля сражения» [13, с. 174]. О том, что «фаустовскую» цивилизацию может уничтожить «фаустовская» же машинная техника, размышляли в то же самое время Брюсов и О. Шпенглер. Но для Волошина, как и для Р. У. Эмерсона, «what lies behind us and what lies before us are tiny matters compared to what lies within us» (всё то, что впереди и позади – мелочи по сравнению с тем, что у нас внутри). Волошина куда более интересует влияние Машины, этого нового и опаснейшего демона, на *внутренний* мир человека. И если «Азazel научил людей [«всего лишь» – И.У.] делать мечи, и ножи, и щиты, и панцири» (Енох 6), то «не плоть, а дух растлился в *наши дни*». Во многом из-за того, что «Машина научила человека / Пристойной мысли, здраво рассуждать, / Она ему наглядно доказала, / Что духа нет, а есть лишь вещество, / Что человек – такая же машина, / Что звездный космос – только механизм / Для производства времени, что мысль – / Простой продукт пищеваренья мозга, / Что бытие определяет дух, / <...>

Что есть единый мировой желудок, / И нет иных богов, кроме него» («Машина»).

Это – иудео-христианство навыворот. По Волошину, единственная из воюющих стран, все еще сопротивляющаяся Машине – «во Христе юродивая Русь». Поэтому в текст стихотворного послания «России» не случайно – как напоминание – так густо вплетены слова Христа, переданные евангелистами. Ведь если и «Взвивается стяг победный, / *Что в том, Россия, тебе?!* / Пребудь *смиренной и бедной,* / Верной своей судьбе» [11, с. 103]. Христианство – «нездешнее», радикальнейшее служение, «переворачивающее» земные ценности. «Князь мира сего» (Ин. 14:30) – мятежный ангел, а Иисусово Царство «не от мира сего» (Ин. 18:36). В нем благословенными оказываются самые презираемые и ненавидимые на земле: кроткие, нищие, гонимые, плачущие, а также жаждущие правды и чистые сердцем (Мф. 5), по Волошину – «смиренные и бедные». «Заповеди блаженства» из Нагорной проповеди вряд ли сочетаются с образом победителя, и для Волошина «сердце побежденного, переполненное пеплом печали» гораздо ближе «сердца пошлого триумфатора с глазами, пламенеющими наглостью» [13, с. 43]. Именно поэтому, видя побеждаемую Россию, Волошинское «... Сердце никнет и блещет, / Когда, *связав по ногам,* / Наотмашь Хозяин хлещет / Тебя по *кротким* глазам» [*17].

Ведь «Сильна ты [Россия – И.У.] *не здешней* мерой, / *Не здешней* страстью чиста, / *Неутоленную верой* / Твои запеклись уста» [11, с. 104].

Волошин убежден: «на физическом плане» лучше быть побежденным, а «борьбу с германской отравой можно вести только *с морального плана*» [16, с. 35]. «Большую силу имеет усиленная [так и хочется спросить чем – И. У.] молитва праведника» (Ик. 5:17), и заключительное стихотворение цикла поэт снова завершает молитвой. Но, в отличие от эмоциональной «Молитвы» Ахматовой, просившей Бога «за литургией», чтобы «после стольких таинственных дней / <...> туча над темной Россией / стала облаком в славе лучей» или «просветленного» (Г. Иванов) «Моления» Кузмина о «венце золотых побед», Волошин «за теургией» победу для Родины просить не может. Он – розенкрейцер, его долг – понимание, и обращается он «к пониманию, а не к чувству» [16, с. 35]; [14, с. 141]. Поэтому его молитва Богу – не менее жертвенна, чем Ахматовская, но о другом: «Дай слов за тебя молиться, / *Понять* твое бытие, / Твоей тоске причаститься, / Сгореть во имя твое...» [11, с. 104].

Представляется вероятным, что в основном именно из-за этого – последнего – катрена Волошин не публиковал анализируемое стихотворение три года. Ведь Спаситель заповедал молиться тайно и не выставлять, как фарисеи, свою праведность напоказ.

Часть III: ПЛЫВУЩИЙ ЗА РУНОМ

14 июля 1789. – Ничего.
Дневник Людовика XVI.

[10] В заключение – несколько слов *об эпиграфе* к циклу: «Плывущий за руном по хлябям диких вод, / И в землю сеющий драконьи зубы, вскоре / Увидит в бороздах не озими, а всход / Гигантов борющихся... Горе!» [10, с. 11]. Предваряя Э. Берна, поэт, кажется, предупреждает: любимая сказка нашего, «выплывшего» из Атлантиды «четвертого человечества» [13, с. 172] – «Аргонавтика», и мы, к несчастью, «реализуем этот сценарий» [4, с. 172]. Чтобы заполучить Руно (а с ним – власть над Иолком), даже сверхчеловеческой силы Ясона оказалось мало. Герой был вынужден связать свою жизнь со жрицей (как минимум; по версии Диодора – с дочерью) Гекаты, принцессой Медеей. Руно было добыто, но чем дальше, тем больше Ясон терял не только власть, но и лицо (Д. Лондон). Колдунья же, не терзаясь вопросом, оправдывают ли цель средства, убила сначала своего брата, а затем детей, возлюбленную и тестя Ясона, фактически доведя и его самого до самоубийства у уже никому не нужного «Арго», чуда античной техники. Так Сверхчеловек-факир инволюционировал в Безумного, в ноль [25, с. 234].

«Ныне ль, даве ль – все одно и то же». Современный человек «обвенчался» с вышедшей в Новое время из недр Магии Наукой [*18] и без ее услуг, подобно Ясону, уже обойтись не может. Как не может перестать – по Ламарку – все интенсивней делать Землю непригодной для обитания и уничтожать свой род – с помощью Науки, «под гром и язг *ликующих* машин» («Война»).

В 1908 году Максимилиан Волошин напечатал в журнале «Золотое Руно» (sic!) статью «Демоны разрушения и закона.» Вывод, к которому пришел молодой теург, на удивление прост: так как гипербореев растворила Земля, лемуры были поглощены Огнем, наши предшественники атланты погибли от Воды, то нынешнее, «европейское», человечество будет рассеяно в четвертой стихии – в Воздухе [13, с. 164-178]. Волошин был не первым и не последним интеллектуалом, искавшим в древних текстах ответы на злободневнейшие вопросы современности. В июле 1945-го (с Плутоном «под знаком Льва») при виде нового грибочка Роберт Оппенхаймер сравнил себя с царевичем Арджуной, получившим от божества «брахмаширас»: If the radiance of a thousand suns were to burst at once into the sky, / That would be like the splendor of the mighty one. / Now I am become Death, the destroyer of worlds [*19]. Великий физик без сомнения читал Бхагават-Гиту. Но лучше бы он читал «Золотое Руно» или «Первое свидание» Белого (1921!), намертво связавшее – рифмой – атомную бомбу с *Гекатом*бой.

«Существовать <...> три метода познания: аналитический, интуитивный и метод, которым пользовались библейские пророки, – посредством откровения. Поэзия пользуется сразу всеми тремя (тяготее преимущественно

ко второму и третьему) и порой с помощью одного слова, одной рифмы пишущему стихотворение удается оказаться там, где до него никто не бывал, – и дальше, может быть, чем он сам бы желал» [5, с. 461–462]. В своей Нобелевской лекции Бродский вольно или невольно повторил основную мысль, высказанную Брюсовым в лекции «Ключи тайн» (1903). Задолго до «Анархистской теории познания» Фейерабенда [26] вождь московских символистов указал науке и научному методу на их место, отдав явное предпочтение искусству и познанию мира методом искусства. «Глаз обманывает нас, приписывая свойства солнечного луча цветку, на который мы смотрим. Ухо обманывает нас, считая колебания воздуха свойством звящего колокольчика. Все наше сознание обманывает нас, перенося свои свойства, условия своей деятельности, на внешние предметы. Мы живем среди вечной лжи. Мысль, а, следовательно, и наука бессильны разоблачить эту ложь. <...> Наука лишь вносит порядок в хаос ложных представлений и размещает их по рангам, <...> облегчая их узнание, но не познание» [7, 6, с. 92]. Разоблачить ложь может лишь способный услышать «глас холода тонка» – «особый посланник Божий, кому дано многозначительное имя Творца, – Ποιητής» (греч.: творец, поэт) [7, 6, с. 89].

Более того, и величайшая сила, которой владеет человечество, для символиста (по определению связывающего – *συμβολή* – временное с вечным [7, 6, с. 125]) – отнюдь не приткое дитя семнадцатого столетия. Именно искусству было искони предназначено служить «государственной печатью в великом государстве вселенной» [7, 6, с. 91] и быть главным инструментом познания и преобразования мира. Одним из самых последовательных сторонников этой гипотезы был Максимилиан Волошин, о чем, в частности, и свидетельствовали «Внутренние голоса» в «Anno Mundi Ardentis».

Выводы. Эстетические, религиозные и историософские поиски начала XX века нашли фокус в поэзии русских символистов (Брюсов, Мережковский, Иванов, Белый, Блок). В духе их эсхатологического мировоззрения, книга *АМА* предсказывает крах современной культуры и рождение новой, способной радикально изменить человечество и преобразить мир. Как нам удалось показать, первый цикл книги Волошина начинает развивать эти идеи, активно привлекая антропософский и биографический и материал.

Примечания: *1. Статья написана при поддержке фонда им. Фулбрайта и Калифорнийского университета (Беркли). *2. Принцип композиции книги – двадцати двух стихотворений *АМА*, – в основе которого, вероятно, лежит Таро (3x7+1), – тема отдельного исследования. *3. «Относительно» – так как по мнению хорошо знавшего Волошина В. Брюсова, говорить о простом ему «органически не свойственно». Стихи Волошина «похожи на иератические сосуды литого серебра, которые искусный резчик украсил хитрыми, заплетенными узорами, требующими пристального внимания и подготовленного к *такой* красоте глаза» [6, с. 476]. *4. Здесь и далее, за исключением оговоренного, курсив – мой. – И.У. *5. В июле 1905 г.

Волошин пересказал в письме к А. Петровой пророчество Штайнера: «С этого года мир вступает в новый цикл, находящийся под созвездием Льва. Это будут самые кровавые годы европейского человечества». *6. «Журнальный вариант» АМА составили «Под знаком Льва», «Над полями Альзаса», «В эти дни», «Посев», «Париж» (Все тот же он...), «Реймская богоматерь» и «DIES ILLA TAM AMARA». «Русская мысль» 1915, №4 (апрель). *7. За полгода, проведенные в Дорнахе, «животастый» (Э. Голлербах) Волошин стал легче чуть ли не вдвое. *8. Приехав из Дорнаха в Париж, Волошин писал Ю. Оболенской: «Как тяжело было сидеть в той точке, на которую опирается коромысло двух чашек весов, и как невозможно найти равновесящую справедливость *в своей душе* для двух враждующих рас, которые вовсе не хотят ее» [цит. по: 18, 1, с. 516]. *9. В заключительном стихотворении книги, вероятно, снова обращаясь к своему небесному наставнику, Волошин спросил: «Не ты ли / Неволил сердце / Благословить / Убийц и жертву, / Врага и брата?». *10. Ср. Пушкинское «... не для корысти, не для битв, / мы рождены для вдохновенья, / для звуков сладких и молитв.» («Поэт и толпа», 1828). *11. 20:31=31:51=0,6. *12. Чтобы *печатно* заявить *своим* после разгрома декабристов: «я гимны *прежние* пою», Пушкин дал стихотворению название «Арион». Хитрость поэта помогла: цензор действительно подумал, что Пушкин лишь поэтически воспроизвел древнегреческую легенду и разрешил напечатать «Арион». Точно так же «цензуру-дуру» обманул Волошин. Чтобы напечатать антибольшевистское стихотворение «Красная Пасха» в газете «Красный Крым» (sic! 30.04.1921), Волошин изменил заглавие и посвятил его пятидесятилетю гибели Парижской коммуны 21-28 мая 1871 г., «объяснив» в примечании, что «Кровавой неделей коммуны» зовут в Париже те дни, когда версальцы вершили свою расправу над побежденными» [18, 1, с. 551-552]. *13. *Мог* ли поэт это сделать – недоказуемо, но его интерес к магии и ангелологии несомненен. В статье «Пророки и мстители» Волошин упоминает *как факт*: сын Жака Казотта по поручению отца перед праздником Федерации 14 июля 1790 г. произнес «заклятия» около Алтаря Отечества и тем самым «поставил Марсово поле под особое покровительство ангелов» [13, с. 199] (Ср. «Мир очищается святостью алтарей» [28, с. 44]. То же можно сказать о Вяч. Иванове и Брюсове, знавших учение Агриппы о семи ангелах-вожатых (см. цикл «Агсапае» Иванова). *14. В наверняка известном Волошину фундаментальном исследовании «Дьявол» (1912) А. Амфитеатров называет «Сыном печали» Сатану [2, с. 31]. *15. Стихотворения «Гимн» Сологуба и «Моление» Кузмина (о котором – ниже), вероятно, впервые были напечатаны Г. Ивановым в статье «Военные стихи» (Аполлон, 1915 №1 (январь), 60-61. *16. Пожелать же России стать «немецкой, чинной, мерзкой» («Китеж», 1919) и подпасть под власть Машины, т. е. уподобиться Германии в худших ее проявлениях, Волошин, конечно, не мог. Взгляды Волошина на Машинную цивилизацию, победившую Германию Парацельса, Бёме и Новалиса, интересно сопоставить с черновым автографом «фантастического» рассказа Брюсова «Мятеж Машин» (1915). В предисловии к нему Брюсов, в частности, пишет: «В наши дни, дни «великой войны», когда наши противники значительнейшую долю своих упований основывают на *техническом превосходстве* [выделено Брюсовым – И.У.] Германии, может быть, не столь несвоевременной покажется фантастика, пытающаяся *олицетворить технику*. Та пропасть, в которую ведут крайние выводы *германского символа веры*, – вот то темное и грозное видение, предносившееся пред воображением автора, когда он обдумывал излагаемую здесь невероятную историю» [22, с. 100], ср. с рассказом Брюсова «Восстание машин», 1908. *17. Здесь, вероятно, не только аллюзия к «Повешенному» и Лк. 11:24-26, но еще и двойная реминисценция из Ф. Достоевского: «Записок из мертвого дома» (глава «Акульский муж») и «Преступления и наказания» (сон Раскольниковова). *18. Наука по сути своей не теургична, а магична, поэтому существенной разницы между формулой и заклинанием, как полагает поэт, нет. *19. Если бы тысяча солнц вспыхнула в небе одновременно, / Их свет был бы похож на сияние всемогущего. / Сей час я стал Смертью, сокрушительницей миров. <http://maddy06.blogspot.com/2007/11/a-bomb-vedic-connections.html>.

Список литературы: 1.Аль-Ани, Н. Философия техники [Текст] / Н. Аль-Ани. – СПб. : А-принт, 2004. – 184 с. 2.Амфитеатров, А. В. Дьявол [Текст] / А.Амфитеатров. – Харьков: НПФ «Велес» - «Парамир», 1991. – 296 с. 3.Бельгий, А. Избранное [Текст] / А. Бельгий. – Ростов-на-Дону : Феникс,

1996. – 448 с. **4.Берн, Э.** Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы [Текст] / Э. Берн ; [пер. с англ.] – Минск : ПРАМЕБ, 1992. – 384 с. **5.Бродский, И.** Нобелевская лекция [Текст] / И. Бродский // Форма времени. В 2-х томах. Том 2. – Минск : Эридан, 1992. – С. 450-462. **6.Брюсов, В.** Максимилиан Волошин. Anno Mundi Ardentis [Текст] / В.Брюсов // Среди стихов. 1894-1924. – М. : Сов. писатель, 1990. – С. 475-476. **7.Брюсов, В.** Собрание сочинений. В 7-ми томах [Текст] / В. Брюсов. – М. : Худож. Лит., 1975. **8.Бунина, С. Н.** Поэты маргинального сознания в русской литературе начала XX века [Текст] / С. Бунина. – М. : РУДН, 2005. – 439 с. **9.Бычков, В. В.** Русская теургическая эстетика [Текст] / В. Бычков. – М. : Ладомир, 2007. – 743 с. **10.Волошин, М.** Anno Mundi Ardentis. 1915 [Текст] / М. Волошин. – М. : Зерна, 1916. – 72 с. **11.Волошин, М.** Иверни [Текст] / М. Волошин – М. : Творчество, 1918. (репринт: Симферополь, 2006). – 136 с. **12.Волошин, М.** Избранное. Стихотворения. Воспоминания. Переписка [Текст] / М. Волошин. – Минск: Мастацкая літаратура, 1993. – 479 с. **13.Волошин, М.** Лики творчества [Текст] / М. Волошин. – Л. : Наука, 1988. – 848 с. **14.Волошин, М.** Письма к А. М. Петровой [Текст] / М. Волошин // Из литературного наследия – 2. – СПб. : Алетейя, 1999. – С. 102-223. **15.Волошин, М.** Письма к М. С. и М. О. Цетлиным и к В. В. Вересаеву [Текст] // Марков А.Ф. Магия старой книги. – М. : Аграф, 2004. – С. 565-659. **16.Волошин, М.** Письма к А. М. Петровой [Текст] / М. Волошин // Из литературного наследия – 2. – СПб. : Алетейя, 1999. – С. 102-223. **17.Волошин, М.** Путь по вселенным [Текст] / М. Волошин. – М. : Сов. Россия, 1990. – 384 с. **18.Волошин, М.** Собрание сочинений [Текст] / М. Волошин. – М. : Эллис Лак, 2003-2007. – Т.1-7. **19.Волошин, М.** Стихотворения. – М. : Гриф, 1910 (репринт: М., 1989). – 543 с. **20.Гречишкин, А., Лавров, А. М.** Волошин и А. Белый [Текст] //Волошинские чтения. – М. : Гос. б-ка им. В. И. Ленина, 1981. – С.80-91. **21.Купченко, В.** Труды и дни М. Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877-1916. [Текст] / В. Купченко. – СПб. : Алетейя, 2002. – 512 с. **22.Литературное Наследство.** – Том 85. Валерий Брюсов [Текст]. – М. : Наука, 1976. – 854 с. **23.Сахаров, И. П.** Русское народное чернокожище [Текст] / И. Сахаров. – М. : Эврика, 1991. – 256 с. **24.Силард Л.** Герметизм и герменевтика [Текст] / Л. Силард – СПб. : Иван Лимбах, 2002. – 328 с. **25.Успенский, П.** Новая модель вселенной [Текст] / П. Успенский. – СПб. : Издательство Чернышева, 1993. – 560 с. **26.Фейерабенд, П.** Избранные труды по методологии науки [Текст] / П. Фейерабенд ; [пер. с англ. и нем.]. – М. : Прогресс, 1986. – 542 с. **27.Цявловская Т.** Рисунки Пушкина [Текст] / Т. Цявловская. – М. : Искусство, 1970. – 168 с. **28.Элиаде, М.** Священное и мирское [Текст] / М. Элиаде ; [пер. с фр.]. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.

Поступила в редколлегия 09.02.09.

Рецензент: докт. филос. наук, проф. Г.Д. Панков.

УДК 530 : 133.52

И.В. ВЛАДЛЕНОВА, канд. филос. наук, доцент, НТУ «ХПИ»

ПРОТИВОРЕЧИЯ И РОСТ ЗНАНИЯ В ТЕОРИИ СУПЕРСТРУН

В статье проанализированы проблемы роста знания в теории суперструн. Использована методология К. Поппера. Показано, что теория суперструн находится в промежуточном положении между объективными и субъективистскими теориями. Эта теория отражает процессы, которые протекают в постнеклассической науке.

Ключевые слова: теория суперструн, принцип простоты, рост знания, эксперимент.

У статті проаналізовано проблеми зростання знання в теорії суперструн. Використана методологія К. Поппера. Показано, що теорія суперструн знаходиться в проміжному положенні